

Новоселовка была маленькой деревушкой, находящейся в стороне от торных дорог, настолько не интересной никому кроме собственных жителей, что за все время Гражданской войны, бушевавшей на просторах некогда великой Российской империи, ее ни разу не занимали ни белые, ни красные. Даже вездесущая продразверстка добралась сюда лишь раз, да и то ненадолго. Собрали все, что нашли в убогих амбарах, провели для несознательных селян митинг, в котором разъяснили требования текущего момента и неизбежность мировой революции, после чего по-быстрому собрались и уехали.

Правда, далеко они не ушли, и ближе к вечеру, когда небольшой отряд почти добрался до города, на них налетели не то бандиты, не то непонятно как сюда забравшиеся белоказаки, и больше их не видели. Впрочем, в те времена подобные истории случались сплошь и рядом, а потому никто особо не удивился.

Казалось, время в здешних местах остановилось. Где-то далеко сходились грудью конные лавы, трещали пулеметы, гремели взрывы, произносили пылкие речи ораторы, а в забытой богом и начальством деревушке все оставалось по-прежнему, как будто и не было никакой революции и войны.

Но вся эта идиллия продолжалась, пока в Новоселовку не нагрянули какие-то вооруженные люди. Большинство из них были конными, а остальные устроились на заполненных всяким скарбом телегах. Одеты кто во что горазд и точно так же вооружены. Винтовки или карабины имелись примерно у половины, у остальных обреза. Еще двое совсем безоружны и, судя по отсутствию сапог, разодранной одежде и синякам — пленные.

Главарь их — коренастый крепкий мужчина в великоватом для него френче, на плечах которого еще виднелись следы погон, объявил местным, что, если ему и его людям будут добровольно предоставлены кров, продукты и самогон — никаких репрессий не последует. Ну, а если нет, то не обессудьте, граждане, времена нынче тяжелые. Селяне в ответ долго не размышляли, отдав все, что от них требовалось, попрытали заодно девок.

— Сарай у тебя крепкий, хозяин? — мрачно осведомился главарь бандитов, а никем иными эти люди быть не могли, у хозяина выбранного им для постоя дома и, не дожидаясь ответа, велел: — Открывай!

Терентий, худой сорокалетний мужик с всклокоченной бородой, не стал спорить и отворил широкую створку. Внутри пахло сеном, пылью и мышами.

— Краснопузых сюда!

Подручные живо стащили с телеги двух пленников в линялых гимнастерках и без церемоний затолкали их внутрь. Один из них явно был ранен или контужен, потому что, сделав пару шагов, упал прямо на земляной пол и затих, а второй — совсем еще молодой парнишка, забился в угол и сжался в комок, обхватив руками колени.

На некоторое время их оставили в покое. Откуда-то снаружи доносились людские разговоры, ржание коней, затем потянуло запахом пищи. Мальчишка все еще сидел в углу, когда его товарищ вздрогнул и резко сел.

— Ох, ё, — пробормотал он, схватившись за голову, и с удивлением обнаружил на неровно стриженной голове повязку из грязных бинтов.

— Это еще что? — удивленно спросил он и только после этого огляделся. — Твою ж мать, а где я?

— Вы очнулись, товарищ? — робко спросил его второй пленник.

— Чего?! — удивленно протянул раненый, явно не понимая, где он находится. — А где Фельдман?

— Т-товарищ Фельдман? — переспросил, заикаясь от испуга, мальчик. — Наверное, в Спасове.

— А мы где?

— В Новоселково.

— Никогда не слышал... а какой хрен нас сюда занес?

— Вы совсем ничего не помните?

— Ну, не то чтобы... ресторан помню, программу откатали, потом клиент попросил у него на хате слабасть...

— Вы все еще бредите, — шмыгнул носом паренек, как будто собирался заплакать, но в последний момент сдержался.

— А почему ты весь изодран? И я, кстати, тоже...

— Нас бандиты захватили. Товарища Лукина убили, остальных тоже. А Машу... Машу... все... сразу...

Видимо, последние воспоминания доконали мальчишку, и он, уже не стесняясь, заревел, размазывая слезы по чумазому лицу.

— Товарища Лукина, Машу... что за бред? — недоверчиво переспросил раненый. — Слушай, а я кто по-твоему?

— В-вы, красноармеец демобилизованный, — сквозь всхлипывания ответил тот. — К нам случайно прибились, а фамилию я не помню!

Хм. Демобилизованным мне быть приходилось. Лет двадцать назад. Правда, армия называлась не Красной, а Российской, но это ладно. Фамилию и имя я, несмотря на гудящую после вчерашних событий голову, помню точно. Николай Зотов. Родился и вырос я как раз в Спасове, это такой маленький городок на... короче, вы все равно про него раньше не слышали! Отучившись для начала в школе, а потом недоучившись в институте, я угодил в армию, где получил массу «полезных» навыков и намертво прикипевшую ко мне кличку «Лабух».

Все дело в том, что я с детства любил музыку. Правда, не всякую, в чем очень скоро убедились родители, попытавшиеся отдать меня в музыкальную школу. Увы, ни Лист, ни Гайдн вместе с фортепиано с кларнетом не привлекли юного меломана. Но вот дворовые песни под гитару — это мое! Нет, на пианино я тоже немного могу и даже на аккордеоне, но главное, конечно, гитара! Именно она помогла мне пережить армию и все последующие годы.

Впрочем, это все было очень давно. С тех пор я много где побывал, много кем работал. Был менеджером, гидом, пел в ресторанах, вел корпоративы и даже как-то тренинги личностного роста, но, куда бы ни заносила меня судьба, всегда со мной был мой инструмент. Вот и после возвращения в Спасов тоже пришлось.

Вообще, я не собирался сюда возвращаться! Просто умер мой дядя, оставивший мне в наследство свой старый домик. Я почти успел на похороны, постоял у невысокого холмика, выражая скорбь, которой не чувствовал, и конечно же не избежал встречи со старыми друзьями вроде Сени Фельдмана. Он, кстати, и предложил мне халтурку. В его ресторане праздновал свой юбилей, скажем так, один местный авторитетный руководитель. Все бы ничего, но современную музыку он не жаловал, а музыканты, подрабатывавшие у Сени, ничего другого не умели.

— Колек, — убеждал меня бывший приятель, — для тебя же это тьфу! Ты же на гитаре почти Паганини! И блатняк весь как «Отче наш» знаешь!

— А твои что, совсем деревянные? — попробовал возразить я, помня, что школьный приятель еще в отроческие годы славился никем так и не превзойденным искусством подставы.

— Ромка запил, — признался Фельдман. — Он все может, но не в таком состоянии.

— И капельницы поставить некому?

— Не, он у меня человек творческий, тут полумерами не обойдешься. Только выводить потихоньку и кодировать. В седьмой раз...

— Ого!

— Да, брат. Вот с такими людьми приходится работать.

— Сколько?

— Пять тысяч! — выдавил он из себя и с надеждой посмотрел мне в глаза.

— Сеня, это несерьезно! — поморщился я в ответ. — Мне за вечер очень давно меньше двадцатки никто не предлагает, и это не считая чаевых!

— Коль, ну это тебе не Москва! — возмутился школьный приятель.

— Так и выступать надо не перед пьяными нефтяниками!

— Хорошо. Только моим не говори.

В общем, мы сговорились. Программу я составил сам, спел хорошо, на что явно указывала постоянно увеличивающаяся пачка купюр за паузой.

Юбиляр оказался человеком по-своему щедрым, его гости тоже старались не отставать, песен заказывали много, а Сеня, глядя, как они мне башляют, морщился так, будто это были его кровные. Потом заказчик пожелал продолжить в своем загородном доме, и это, как вы понимаете, была не просьба.

Возник вопрос с аппаратурой, но мигом почувший поживу Фельдман тут же вызвался меня подвезти, тем более что все эти усилители и прочее добро было его собственностью.

— Талант у тебя, Колек, — с ноткой легкой зависти в голосе сообщил Сеня, садясь за руль.

— А трезвого водилы нет? — С сомнением посмотрел я на его раскрасневшуюся физиономию.

— Не бойсь! — отмахнулся тот. — У нас все схвачено! Менты нам честь отдавать будут.

— Ну-ну.

— Что, не веришь?! — возмутился изрядно подвыпивший ресторатор. — Да ты знаешь, что я со всем здешним начальством на короткой ноге! У меня тут все вот где...

— Ладно-ладно, — усмехнулся я. — Поехали. Главное мимо дачи не промахнись, а то увезешь куда-нибудь...

— Куда?

— Ну, например, в Израиль. Мы, кстати, еще в школе думали, что вы туда рано или поздно отправитесь.

— Да ну его, — отмахнулся Сеня. — Был я там. Ничего интересного и одни евреи кругом!

— Это да. Но ты ведь и тут неплохо поднялся. Так?

— Наследство получил, — неожиданно признался Фельдман, всегда и всем задвигавший, что все, что у него есть, нажито непосильным трудом и исключительными способностями.

— От кого?

— От прадедушки. Он у меня знаешь кем был?!

— Нет.

— Купец первой гильдии! Величина по тем временам...

— И в революцию не отняли?

— Ха! Отняли, да не все. Кое-что он успел спрятать, да так, что никто не знал.

— И как нашли?

— Случайно. В девяностые еще. Шкаф старинный в коридоре у нас помнишь?

— Ну да. Здоровый такой.

— Вот в нем тайник был. Только ты тс... никому!

— Да какая теперь разница, — пожал я плечами. — Ты же все ценности из него достал, так ведь?

— А то! — горделиво кивнул Фельдман и обернулся ко мне, как будто собираясь что-то сказать.

— Ты на дорогу-то смотри! — успел крикнуть я, видя, как из темноты на нас надвигаются ярко горящие фары.

Потом удар и темнота. Судя по всему, мы попали в аварию... а теперь я очнулся непонятно где и черт знает в каком виде. Босые ноги успели изряд-

но замерзнуть, но что самое интересное, они были не совсем мои. Нет, я понимаю, как это звучит, но вот реально не мои. Какие-то худые, в драных галифе... кстати, почему галифе? Я таких штанов даже в армии не видел. А что с руками? Вместо тонких и артистичных пальцев музыканта и потомственного интеллигента в третьем поколении, короткие с грубыми мозолями и грубо обкусанными ногтями хваталки... и печатки нет! Ее мне, кстати, бывшая жена подарила и чуть на дерьмо не изошла во время развода, пытаюсь отсудить. Не вышло...

Пока я размышлял о странностях посетивших меня глюков, дощатая дверь распахнулась и в проеме возник некий субъект в странном наряде. На голове мохнатая папаха, чуть ниже какой-то непривычного фасона пиджак, из-под которого выглядывала косоворотка. На ногах галифе вроде моих и ботинки с обмотками. Но самое главное в руках этого ряженого была самая настоящая винтовка.

— Выходи, краснопузые! — велел он и в подтверждение своих слов смачно сплюнул на землю. — Сейчас вам хана придет!

Первой посетившей меня мыслью было обматерить заигравшегося реконструктора и потребовать объяснений, но, сам не знаю почему, воздержался. Парнишка же, имени которого я так и не успел выяснить, неожиданно успокоился и вышел вперед, с ненавистью глядя на конвоира.

— Не зыркай, падлюка! — правильно оценил тот его взгляд и замахнулся прикладом, но бить не стал.

В общем, я решил раньше времени не возникать и подождать развития событий, для чего вышел вслед за своим напарником по несчастью и послушно пошагал в указанном нам направлении.

Привели нас в ближайший дом, который по справедливости следовало назвать избой. Да-да, самой настоящей! Не эти подделки под старину из оцилиндрованных бревен, покрытых для красоты лаком, а кондовый такой пятистенок, с маленькими оконцами, затянутыми какой-то мутной пленкой. Крыша и та покрыта не шифером, а тонкими досочками, набитыми внахлест. Кажется, их называют «дранью».

Все это так меня впечатлило, что отсутствию электричества я уже не удивился. Впрочем, внутри было еще не так уж и темно. Посреди большой комнаты или, наверное, все-таки горницы стоял стол, уставленный различной, но при этом довольно простой снедью. Вареная картошка, нарезанное неровными пластами сало и немного овощей. И самое главное, посреди всего этого возвышалась огромная, литра на три, бутылка, наполненная примерно до середины мутной жидкостью.

За столом устроились какие-то странные личности, более всего напоминавшие махновцев в фильмах про Гражданскую войну. Очевидно, до нашего прихода все они активно выпивали и закусывали, но стоило нам появиться — дружно прекратили и устали на нас с мальчишкой взгляды, полные неприязни.

— Ну что, совдеповцы, попались? — с нехорошей усмешкой осведомился мужик в полувоенном костюме, выглядевший на фоне остальных как-то более... адекватным, что ли.

Сообщники или, точнее, подчиненные встретили слова главаря одобрительным гулом. Мы же в ответ промолчали. Мальчишка, очевидно, от страха, а я просто не знал, что сказать. Если честно, я до последней минуты надеялся, что это какой-то

розыгрыш, устроенный моими друзьями, но... люди вокруг меня ничуть не походили на артистов! Более того, они выглядели настоящими головорезами. Мне приходилось видеть людей этого сорта, но все они и в подметки не годились сидевшим перед нами бандитам. От них буквально исходил запах опасности, перемешанный с ароматом сивухи, застарелого пота и давно не стиранных портянок. Похоже, я попал...

— Что молчите? — злобно ощерился наполовину беззубым ртом сидевший по правую руку от главаря мужик в порванной на воротах тельняшке.

— Прошу прощения, — вынужден был принять на себя обязанность переговорщика я. — Но кто вы и что от нас хотите?

Эффект от моих слов превзошел все ожидания. Сначала они молчали, как пришибленные, а потом разразились таким сатанинским хохотом, как будто слышали что-то невероятно веселое. Нашли, блин, мастера стендапа!

— Я — Нечай! — отсмеявшись, с какой-то мрачной гордостью сообщил главарь. — Слыхал, небось?

— Искренне извиняюсь, но не приходилось, — признался я, после чего зачем-то добавил: — Со многими авторитетными людьми знаком лично, но вот конкретно про вас не слышал...

— Ты что, красная сволочь, издеваешься? — опешил атаман. — Да я тебя...

— Не трогайте его, — неожиданно высказался в мою защиту второй пленник. — Он контуженый!

— Чего? — недоверчиво протянул бывший матрос.

— Точно говорю. Сам себя не помнит и какую-то ерунду постоянно говорит!